

РУССКО-ШВЕДСКАЯ ВОЙНА 1655—1660 ГОДОВ

(Историографический обзор)

Проф. О. Вайнштейн

В июне 1655 г. шведский король Карл X Густав напал на Польшу, значительно к этому времени ослабленную восстанием Богдана Хмельницкого, войною с Московским государством за Украину (с апреля 1654 г.) и внутренними неурядицами. Не встречая почти никакого сопротивления, шведы в течение двух—трёх месяцев оккупировали всю Польшу и не занятую русскими войсками часть Литвы, вынудив польского короля Яна-Казимира бежать в Австрийскую Силезию. Большая часть польских магнатов и польские войска присягнули Карлу-Густаву. Вызванное этими молниеносными успехами шведов крушение Речи Посполитой потрясло систему равновесия, установленную Вестфальским миром. В польско-шведский конфликт прямо или косвенно вмешались не только соседние государства — Бранденбург, Австрия, Трансильвания, — но и более отдалённые — Дания, Голландия, Франция и Англия, — причём в ходе войны менялись взаимоотношения между этими государствами и их позиция по отношению к Швеции и Польше. Масштабы военных операций, происходивших в Польше, Дании, Померании, Пруссии, Лифляндии, Курляндии и на Балтийском море, как и причинённые ими опустошения, немногим уступали Тридцатилетней войне. Но конечные результаты войны 1655—1660 гг. оказались совершенно не соответствующими затраченным усилиям. Мир, заключённый в мае 1660 г. в Оливе и в июне того же года в Копенгагене, сохранил в основном *status quo ante bellum*. Один только курфюрст Бранденбургский сумел извлечь из этой войны реальные выгоды, ликвидировав вассальную зависимость герцогства Пруссии (Восточной Пруссии с г. Кенигсбергом) от Речи Посполитой.

Таковы в немногих словах события, развернувшиеся между 1655—1660 гг. в северо-восточной Европе и известные под названием Северной войны.

Приблизительно в одно время с ними, но формально независимо от них, шла война России с Польшей (1654—1667), прерванная на два года Виленским перемирием 1656 г. и русско-шведской войной 1656—1658 годов. Валиассарское перемирие и Кардисский «вечный мир» со шведами 1661 г. и Андрусовское перемирие с поляками (1667) положили конец этим войнам.

Теснейшая связь между всеми этими войнами, представляющими при ближайшем рассмотрении единое целое, не получила признания в русской историографии, где вообще утвердилась традиция рассматривать внешнюю политику России до XVIII века независимо от международной обстановки. Польская война 1654—1657 гг. излагается в русских работах только как война за Украину, а война со шведами в 1656—1658 гг. — как частный эпизод, представляющий отклонение от общей линии русской политики и донельзя осложнивший и затруднивший её задачи. При этом Северная война вовсе не берётся во внимание, иногда упоминаются лишь отдельные её эпизоды в той мере, в какой они влияли на ход военных действий или на дипломатические переговоры России с её противниками. Так построено изложение в соответствующих гла-

вах X—XI томов «Истории России» Соловьёва, а под его влиянием и у всех последующих русских историков.

Соловьёв идёт за документами московских архивов, систематизируя и в пределах каждой рубрики анализируя их в хронологическом порядке. Конечно, ему известны факты западноевропейской истории, но он их привлекает только там, где ему кажется это необходимым для понимания какого-нибудь действия московского правительства. Эта чисто описательная манера, не нарушая художественной и научной цельности построения, не даёт, однако, обобщений и глубокого проникновения в сущность интересующих нас событий.

Ключевский в соответствующем месте своего курса, отбрасывая фактический материал Соловьёва, только суммирует с присущим ему мастерством выводы своего предшественника: «Царь Алексей, начав войну с Польшей за Малороссию в 1654 г., быстро завоевал всю Белоруссию и значительную часть Литвы... В то время как Москва забирала восточные области Речи Посполитой, на неё же напал с севера другой враг, шведский король Карл X, который так же быстро завоевал всю Великую и Малую Польшу с Краковом и Варшавой, выгнал короля Яна-Казимира из Польши и провозгласил себя польским королём, наконец даже хотел отнять Литву у царя Алексея. Так два неприятеля, бывшие Польшу с разных сторон, столкнулись и поссорились и из-за добычи. Царь Алексей вспомнил старую мысль царя Ивана о Балтийском побережье, о Ливонии, и борьба с Польшей прервалась в 1656 г. войной со Швецией. Так опять стал на очереди забытый вопрос о распространении территории Московского государства до естественного её рубежа, до Балтийского берега. Вопрос ни на шаг не подвинулся к решению: Риги взять не удалось, и скоро царь прекратил военные действия... Как ни была эта война бесплодна и даже вредна для Москвы тем, что помогла Польше оправиться от шведского погрома, всё же она помешала не только соединиться под властью одного короля двум государствам, хотя одинаково враждебным Москве, но постоянно ослаблявшим свои силы взаимной враждой»¹.

Как видим, здесь не показано взаимодействие русской политики и политики западноевропейских государств. Всё дело сводится к тому, что Россия и Швеция не поделили добычи, вслед за чем царь Алексей «вспомнил» о выходе к Балтийскому морю. Ссора России и Швеции спасла Польшу. Эта мысль в разных вариантах повторяется и у Иловайского², и у Платонова, и во всех других общих курсах истории России, включая сюда и французскую работу Рамбо³. Ключевский, конечно, прекрасно знает о планах Ордын-Нащокина и посвящает этому замечательному русскому дипломату XVII в. блестящую лекцию (XLVII), но в отрыве от событий 1655—1660 гг. и западноевропейской дипломатии этого времени⁴.

Для характеристики современного состояния интересующего нас вопроса отмечу только, что в университетском учебнике истории СССР ему посвящено немногим более одной страницы, где воспроизводится

¹ Ключевский В. «Курс русской истории». Ч. III, стр. 153. 2-е изд. 1912.

² Иловайский. «История». Т. V, гл. IV—V.

³ Rambaud «Histoire de la Russie», p. 327. Paris. 1878. Ср. уничтожающую критику этого труда у Ключевского.

⁴ Дипломатическая деятельность Ордын-Нащокина представлена в специальном этюде В. С. Иконникова «Предшественники петровской реформы. Ближний боярин А. Л. Ордын-Нащокин» («Русская старина». 1883 г. и отдельно). К сожалению, Иконников не привлёк многочисленных материалов московских архивов, где хранится обширная служебная и дипломатическая переписка этого знаменитого государственного деятеля, и опирается в основном на литературу и весьма ограниченный круг печатных источников. Именно поэтому автор мог только очень бегло и поверхностно коснуться ряда важных вопросов, как, например, о близости политических взглядов Нащокина и Юрия Крижанича, а проблемы международной политики периода русско-польской войны оставил без всякого рассмотрения. Ордын-Нащокин ещё ждёт своего исследователя.

уже знакомая нам концепция, но сделано сверх того несколько фактических ошибок.

Русская внешняя политика 50—60-х годов XVII в. во всём объёме не рассматривается ни в одном монографическом труде. Единственная работа, которая, казалось бы, восполняет этот пробел, — «Польская анархия при Яне-Казимире и война за Украину» Н. И. Павлищева (СПб. 1887. 2 тома) — является бездарной компиляцией. Автор даёт фактическое изложение по Соловьёву с комбинацией данных из польских трудов Шайноки, Шуйского и двух—трёх польских хроник. Характер «исследования» Павлищева виден из следующих его замечаний: «Здесь и дальше мы следуем Грондскому, стараясь согласить его с Коховским, так как они иногда между собою расходятся». Или: «Тут мы остаёмся Грондского и идём за Коховским». Убогая концепция Павлищева в вопросе о трагедии Польши в 50-х годах XVII в. сводится к тому, что король был иезуитом, а «всё почти шляхетское сословие было объезуичено до костей» (II, 26). В другом месте он во всём винит магнатов, «этих кролевят, перед которыми шляхта гнула шею» (II, 147). Очевидно, ему так и не удалось «согласить» две точки зрения старых польских историков. Перемирие с Польшей в 1656 г. и начало войны со Швецией Павлищев объясняет «иезуитско-макиавелистскими проделками» австрийских послов и кознями честолюбивого Никона, которого австрийцы подкупили «лестью и подарками» (II, 182—185).

Следует ещё упомянуть о работах Г. Форстена, «всеобщего» историка, много сделавшего для выяснения политического взаимодействия России и Запада в XVII веке. Его статья⁵ посвящена дипломатическим отношениям России и Бранденбурга, принявшим как раз в 50—60-х годах наиболее оживлённый характер. Автор опирается не только на материалы известной публикации «*Urkunden und Aktenstücke zur Geschichte des Kurfürsten Friedrich Wilhelm von Brandenburg*», но и на результаты собственных разысканий в берлинском архиве. Однако новые материалы не помогли Форстену освободиться от концепции историков типа Дройзена, смотрящего на всю политическую деятельность курфюрста через немецкие националистические очки. Русские материалы Форстен совершенно не использовал, что уже само по себе приводит к односторонним выводам и прежде всего к тому, что русская дипломатия в его изложении производит впечатление пассивной, невыразительной и бессильной перед уловками такого виртуоза дипломатического искусства, каким автору представляется «великий курфюрст». Форстен не отметил возросшего авторитета Москвы и страха курфюрста перед её военной мощью, хотя для этого даже в использованных им источниках было достаточно данных. Русско-бранденбургские отношения он искусственно изолирует от всей политической обстановки в Европе, вследствие чего неизбежно искажается перспектива и дипломатическая акция сторон получает неверное освещение. В основном работа Форстена сводится к изложению истории посольств — русского в Бранденбург и бранденбургского в Москву⁶.

Таков же характер другой, значительно большей по объёму работы Форстена — «Сношения Швеции и России во второй половине XVII века, 1648—1700»⁷. Здесь собраны и систематически изложены материалы, извлечённые автором из шведских архивов, но без углублённого их

⁵ Форстен Г. «К внешней политике великого курфюрста Фридриха-Вильгельма Бранденбургского». Журнал министерства народного просвещения (ЖМНП). 1900 г., июль — август.

⁶ Форстену осталась неизвестной немецкая диссертация Геденштрема, вышедшая в 1896 г., которая уберегла бы его от ряда ошибок и неверных оценок, обусловленных его незнакомством с русским материалом. О диссертации Геденштрема см. ниже.

⁷ ЖМНП, 1898 г., февраль, апрель, май и июнь.

анализа и сопоставления с русскими и польскими данными. Так как эти материалы приводятся чаще всего полностью, причём не только в переводе или пересказе, но и в оригинале, то данная работа может служить для историка первой Северной войны первоклассным собранием источников. В качестве примера можно указать на страницы 231—329, посвящённые посольству Биелке-Крузеншерна в 1655—1657 годах. Напечатанные здесь выдержки из официальной и секретной инструкций, отчётов, переписки шведских дипломатов и пр. являются ценнейшим дополнением к соответствующему делу Посольского приказа, хранящемуся ныне в ЦГАДА^{*}. Любопытно, что материалы Форстена остались совершенно неизвестными В. А. Семёнову, опубликовавшему в 1912 г. отрывки из дневника одного из членов шведского посольства 1655 г.[†], и всем, без исключения, историкам первой Северной войны.

Хотя зарубежная историческая литература изобилует трудами общего и специального характера по интересующему нас вопросу, однако ни в одном из них, за исключением узко специальной работы Геденштрема, не учтены русские материалы. Между тем без знакомства с последними невозможно ни понять, ни дать правильную оценку действиям московского правительства и целям, которыми оно руководствовалось. Поэтому, говоря о России, историки Северной войны либо отделиваются малозначащими указаниями либо толкуют о мотивах и дипломатии московского правительства вкривь и вкось на основании данных, взятых из вторых рук. Вообще для любого историка этой войны характерно стремление опереться на источники своей национальной дипломатии, что в сложных и запутанных событиях международного характера неизбежно ведёт к односторонним выводам. Справившись об имени автора исследования, мы можем безошибочно сказать, на какой позиции он стоит — польской, французской, немецкой, шведской или ещё какой-нибудь иной. Национальная предвзятость и ограниченность точек зрения в подобных работах настолько велики, что их авторы нередко полностью пренебрегают результатами исследований, написанных на другом языке. Особенно часты жалобы на это со стороны польских историков, труды которых игнорируются в немецкой исторической литературе.

Научная разработка истории Северной войны открывается монументальными работами известного государствоведа, юриста и историка Самуила Пуфендорфа. В течение 15 лет (1672—1686) он находился на шведской службе в качестве историографа при дворе Карла X. К этому времени относится его обширный труд «*De rebus gestis Caroli-Gustavi regis*», опубликованный только в 1695 году. Пуфендорф рассматривает здесь события исключительно со шведской точки зрения, опираясь на шведские же архивы, которые очень добросовестно им обработаны. Карл X является, естественно, героем его повествования. Агрессивная политика этого короля хорошо объяснена как внутренним положением Швеции после Вестфальского мира, так и стремлением шведских правящих кругов окончательно укрепить за собою *dominium maris Baltici*. Но Пуфендорфа совершенно не интересуют экономические вопросы, торговая политика Швеции и её соседей, поэтому цель овладения Балтийским морем остаётся неясной. У Пуфендорфа имеются проблески понимания того значения, которое растущая мощь Русского государства и его стремление к выходу на балтийское побережье может иметь для Швеции. Этот немецкий историк настолько проникся шведской точкой зрения, что когда он перешёл в 1686 г. на службу к курфюрсту Бранденбургскому и приступил к написанию своего другого большого труда — «*De rebus gestis Electoris Frederici-Wilhelmi Magni*» (Berlin. 1695—1733), — то он, пользуясь на сей раз исключительно документами Берлинского тайного архива, даёт

^{*} ЦГАДА, ф. 96. Приезд в Москву Биелке и др. № 1—3. 1655—1657.

[†] Чтения в Обществе истории и древностей российских, т. 240, кн. 1.

дипломатическим актам интерпретацию, более благоприятную для шведов и далеко не во всём оправдывающую действия «великого курфюрста»¹⁰. Он писал в предисловии к этому труду: «Хотя и опасно говорить правду о государях, но я надеюсь на покровителей, а моя старость уже сама по себе придаёт мне смелость. К тому же для родины важно, чтобы знали прежние ошибки, дабы не повторять их и дать возможность потомкам отличить хорошие и плохие действия каждого государственного деятеля». Все эти оговорки не помешали тому, что работа Пуфендорфа при своём появлении в свет вызвала в кругах немецких националистов бурю негодования. При дворе курфюрста ставился даже вопрос об её уничтожении. Известно, что Лейбниц на другой день после смерти Пуфендорфа писал: «Своевременная смерть спасла автора от гнева курфюрста» (Фридриха III). Ещё в середине XIX в. немецкие историки обвиняли его в «партийном извращении фактов», в «клевете» на немецких государственных деятелей. Дройзен постарался его реабилитировать, доказывая, что Пуфендорф — это «историк большого стиля», давший одно из лучших изображений эпохи и личности «великого курфюрста»¹¹. Но поскольку Пуфендорф комбинирует и перерабатывает данные архивов, то его трудами, по мнению Дройзена, нельзя пользоваться как источником, заменяющим самые архивы.

При всей справедливости последнего замечания по отношению не только к Пуфендорфу, но и к любому историческому труду, всё же остаётся очевидным, что оно вызвано главным образом шведскими симпатиями Пуфендорфа, особенно для истории периода, связанного с именем Карла X. После появления «*Urkunden und Aktenstücke*» работа Пуфендорфа о Фридрихе-Вильгельме уже не представляет прежнего интереса. Зато его история Карла X и по сей день играет прежнюю роль первоисточника, тем более что Пуфендорф даёт, как правило, точное изложение документов¹².

Дройзен посвятил первой Северной войне один из томов своей «*Geschichte der preussischen Politik*» (Th. III, Abt. II). Основной мыслью его труда является представление о «великой исторической миссии» прусского государства в Германии. Под этим же углом зрения Дройзен изучает и историю Северной войны. Главным, если не единственным героем этой войны является в его глазах курфюрст Фридрих-Вильгельм. Современники зло называли курфюрста «политическим торгашом», а в изображении Дройзена, как, впрочем, и большинства других прусских историков, он вырастает в величественную фигуру гениального дипломата и полководца, основателя могущественного государства. Его трусливо хищническая, двуличная политика, его предательское поведение по отношению к Польше, с которой он был связан узами вассальной зависимо-

¹⁰ См. сопоставление обоих трудов (по некоторым частным вопросам истории Северной войны) в диссертации Фридриха Боссе «*Zur diplomatischen Vorgeschichte des Königsberger Vertrages*». Berlin. 1887, где, между прочим, опровергается взгляд Дройзена на противоречивость оценок Пуфендорфа; он показывает, что Дройзен неправильно истолковал слова Пуфендорфа: «Писателю нельзя поставить в вину, что он своим пером выражает господину, которому он служит, свои чувства, ибо тех песни поёшь, чей хлеб ешь». Но Боссе не удалось доказать, что Пуфендорф писал как «немецкий патриот». При этом он даже не замечает, что Трейчке, на которого он ссылается для обоснования своего мнения, говорит как раз против него. Трейчке пытается объяснить прошведские симпатии Пуфендорфа даже в его труде о Фридрихе-Вильгельме тем, что тому не хотелось заново перерабатывать по бранденбургским документам историю Северной войны, уже рассказанную им по шведским источникам.

¹¹ Beiträge zur Kritik Pufendorfs. Berichte über die Verhandl. des K. Sächs. Geschichte d. Wiss. Phil.—hist. Klasse. Bd. XVI. 1864.

¹² Как показал Боссе (Указ. соч., стр. 12 сл.), Пуфендорф в такой степени следует за своим материалом, что анализирует все документы каждого почти архивного дела подряд, не считаясь с возникающим отсюда нарушением хронологической последовательности событий. Он прав, когда говорит: «Pufendorfs Werke tragen zu sehr den Charakter einer Aktenpublikation».

сти по своему прусскому герцогству, — всё это маскируется длинными рассуждениями о Staatsraison, о высоких государственных интересах. Вот одно из таких рассуждений по поводу Кенигсбергского договора со шведами, который произвёл скандал в Европе: «Не вина курфюрста, что Польша разложилась и сгнила изнутри. С какой стати должен он был сражаться за польские интересы». Он дал полякам достаточно советов. «От Польши ему уже не приходилось чего-нибудь ждать, от Швеции он мог всего опасаться».

Если XVII век был, как его часто называют, «блестящим веком дипломатии», то период первой Северной войны можно считать апогеем дипломатического искусства. Но хотя умение перехитрить и «переманеврировать» противника не вызывало тогда ничего, кроме почтительного восхищения, дипломатические приёмы курфюрста даже дипломатам XVII в. казались возмутительными. Ему ничего не стоило предать своего союзника, если предложенная за это цена казалась подходящей. В 1658 г., имея в кармане подписанный с Австрией и Польшей договор о выступлении против Карла X, он продолжал вести с последним переговоры об укреплении их союза, пока шведский король, возмущённый такой наглостью, не прогнал из своей ставки бранденбургских уполномоченных. Курфюрст в ходе войны так часто и с такой лёгкостью менял свою политическую ориентацию, что даже самые ловкие дипломаты, вроде австрийского посла Лизолы, приходили в отчаяние. Всё это создавало курфюрсту вполне определённую репутацию. Дройзен взял на себя весьма неблагодарную задачу — показать, что во всех случаях такого двурушничества и на всех поворотах своей политики курфюрст был абсолютно прав. Если же никаким насилием над фактами убедить читателя в этом не удаётся, у прусского историка всегда имеется наготове ultima ratio — выгода бранденбургско-прусского государства. Дройзен не задаётся вопросом: нельзя ли было обеспечить эту выгоду более честной политикой. Главное для него — то, что конечная цель этой политики — освобождение герцогства Пруссии от польского сюзеренитета — была достигнута.

Роль России в Северной войне в работе Дройзена не раскрыта. Мимоходом отмечается влияние русских военных операций в Польше или во владениях Швеции на общий ход войны, но всё дело сводится к страху курфюрста, разделяемому «всей Европой», перед «грандиозными планами варваров». Дройзен довольно подробно останавливается на русско-бранденбургских отношениях и считает совершенно нормальным, что курфюрст под покровом договора о нейтралитете и под личиной дружбы старался исподтишка вредить Москве, где только возможно. Впрочем, эта тема казалась Дройзену столь неприятной, что, перейдя к изложению событий последних трёх лет войны 1657—1660 гг., он как бы забывает о самом существовании Москвы, умалчивает об обмене посольствами и о лстивых письмах курфюрста к Алексею Михайловичу, относящихся к этому времени. Вообще вся его работа является образчиком грубо тенденциозного освещения событий. Приходится лишь пожалеть о том, что она оказала слишком заметное влияние на русского историка Форстена, который в упомянутой выше статье некритически следует за Дройзенем.

Значительно большую ценность для нашей темы представляет соответствующий раздел двухтомного труда Эрдмансдерфера¹⁹, входящего в Онкеновскую серию всеобщей истории... Эрдмансдерфер является большим знатоком этого периода; под его редакцией вышли относящиеся к Северной войне томы «Urkunden und Aktenstücke». В отличие от Дройзена он не удовлетворяется чисто дипломатической и военной

¹⁹ Erdmannsdorfer «Deutsche Geschichte vom Westfälischen Frieden». Berlin. 1892.

историей, но отмечает и экономические предпосылки внешней политики участников Северной войны. Конечно, и он раздувает значение бранденбургского курфюршества и роль Фридриха-Вильгельма, но делает это более осторожно, чем Дройзен, и притом не столько насилием над фактами, сколько их искусной комбинацией. Однако в оценке политики курфюрста Эрдмансдерфер недалеко ушёл от своего предшественника. Подойдя к изложению Кенигсбергского договора (январь 1656 г.), он ставит вопрос: «Мог ли курфюрст, протестант и немец, выступить против протестанта-шведа в пользу польского иезуитского правительства, которое так жестоко преследовало польских диссидентов?» (стр. 225). А далее, не вполне в согласии с логикой, автор рассуждает: «Но раз Польшу нельзя было спасти (как будто курфюрст пытался это сделать!) и стал вопрос о её разделе, то курфюрст из политической необходимости должен был принять в этом разделе участие, а не бесплодно тратить силы на защиту Польши». Что же это за «политическая необходимость», о которой идёт речь?

Несколькими страницами ниже (стр. 229) Эрдмансдерфер формулирует её как «необходимость округления незамкнутого бранденбургско-прусского государства». Вот что толкало курфюрста на «энергичную, активную политику», т. е., как сказали бы мы, на постоянную готовность продать своё 20-тысячное войско наиболее выгодному покупателю. Дело в том, что поляки, несмотря на своё тяжёлое положение, не хотели и слышать об уступке курфюрсту последних остатков своих прибалтийских земель, а Карл-Густав, которому это ровным счётом ничего не стоило, готов был предложить любые польские земли, правда, за исключением прибалтийских, которые были ему самому нужны. Куявия, Подлясье, Малая Польша, Великая Польша, даже Волынь и Подолия сделались на бесчисленных совещаниях шведских и бранденбургских дипломатов предметом самого бесстыдного торга. И только тогда, когда курфюрст заметил, что ему ещё придётся завоёвывать эти земли, так как шведы были из них уже изгнаны, он перешёл на сторону их противников, предлагавших меньше, но зато более реальные вещи.

В центре всего построения Эрдмансдерфера лежит проблема *dominium maris Baltici*. Вокруг этой проблемы он группирует свой материал. Таким путём ему удалось избежать рыхлости дройзеновского изложения и дать очень стройную и убедительную, с немецкой точки зрения, трактовку Северной войны. При этом, естественно, роль французской и особенно русской дипломатии оказалась совершенно затуманенной. Дело доходит до того, что даже мир в Оливе, подписанный под сильнейшим давлением Франции, оказывается главным образом делом рук курфюрста, результатом его «миролюбия». То обстоятельство, что этот мир был заключён за спиной Москвы и своим остриём был направлен против неё, обходится уже полным молчанием, как, впрочем, и во всех решительно трудах зарубежных историков.

Труды других историков Пруссии — Прутца, Козера, Филипсона и др. — ничего существенно нового для истории первой Северной войны не дают. Работа Филипсона «*Der grosse Kurfürst*» (Bd. I. Berlin. 1897) проникнута, если можно так выразиться, ещё более верноподданническими чувствами по отношению к Гогенцоллернам, чем работы его предшественников. Неблаговидные действия Фридриха-Вильгельма он оправдывает, пожалуй, с ещё большим цинизмом. Слабые узы вассальной зависимости Пруссии от Речи Посполитой он называет «польским игом» (стр. 193). Он признаёт, что требование курфюрста об уступке ему части Великой Польши для создания коммуникационной линии между Бранденбургом и Восточной Пруссией было «не особенно моральным, но зато весьма практическим» (стр. 196). Ради выгоды государства всё позволено: *salus republicae suprema lex*; это, заявляет Филипсон, было тог-

да всеми признанным принципом внешней политики (стр. 204). Однако к политике других государственных деятелей Европы Филипсон подходит с несколько иной меркой. У них ведь не было столь высокой цели, как спасение Пруссии от участи остзейских провинций — стать жертвой Швеции, Польши, России, — цели, к которой стремился и которой достиг курфюрст! Мазарини, Кромвель, Ян де Витт (глава Нидерландских штатов) руководствуются эгоистическими соображениями. Мотивы действий русского правительства Филипсон иногда извращает, иногда не понимает. Так, например, договор России с Бранденбургом о нейтралитете Филипсон приписывает «страху» царя перед Нидерландами, которые оказывали на него давление в пользу курфюрста. Это утверждение не подкреплено ссылками на источники и нуждается в проверке. Валиассарское перемирие со шведами Москва заключила по непонятным для автора соображениям (стр. 320) и т. д.

Более спокойным и, так сказать, академическим тоном отличается работа Прутца. Во втором томе своей «Geschichte der preussischen Politik» (1900) он довольно сдержанно подходит к оценке «великого курфюрста», отмечает его колебания, нерешительность, неустойчивость его политики. Прутц очень неодобрительно относится к «малодушию (мы бы сказали, трусости) курфюрста, соединённому с беспокойным стремлением к территориальной экспансии». Героем Прутца является не Фридрих-Вильгельм, а один из его советников, граф фон Вальдек, сторонник шведского союза и ярко выраженный враг Польши. Прутц подробно анализирует его докладные записки, влиявшие на решения курфюрста, чего мы не находим у других историков. Это, бесспорно, интересный материал, но Прутц забывает указать, какие крупные денежные суммы и щедрые обещания Вальдек получил от шведов за свои услуги. Вероятно, симпатии Прутца к Вальдеку определяются тем, что сам историк ненавидит поляков и вообще славян, причём не скрывает этого. Я ограничусь одним характерным отрывком. Рассказав о сражении под Варшавой (июль 1656 г.), где шведы и бранденбуржцы одержали победу, правда, совершенно бесплодную, над войском польского короля, Прутц даёт следующую концовку: «Под Варшавой германство восторжествовало над славянством, немцы над поляками: ибо и шведский король был немцем, сыны немецких князей сражались под его знамёнами и ядро его войска состояло из немецких наёмников. Под Варшавой был смыт позор Танненберга: начавшемуся тогда росту Польши за счёт Германии был теперь положен конец. Восточная Германия гарантирована от угрозы ополчения, и Германия вернула себе принадлежавшее ей по праву влияние на положение дел в прибалтийских землях».

Итак, Польша до середины XVII в. росла за счёт Германии, а не наоборот. Немецкими наемниками определяется национальный состав войска, причём упускается из виду, что ядром войска Яна-Казимира являлись те же немецкие наемники. Вообще весь приведённый пассаж является яркой иллюстрацией к словам Фюстель де Куланжа, что немецкие историки воюют даже в науке.

Более специальный характер, чем рассмотренные выше труды, имеет исследование Фердинанда Гирша¹⁴. Это — очень добросовестное изложение всех относящихся к теме актов Берлинского тайного архива, но без всяких попыток сделать какие бы то ни было обобщения. Гирш в ряде мест отмечает пробелы и неточности в известном сборнике Мартенса, детально излагает всю историю переговоров Бранденбурга с Россией в течение 1654—1660 гг., но он совершенно недостаточно раскрывает связь этих переговоров с международными отношениями и, подобно Дройзену, стремится найти любое оправдание для нечестной диплома-

¹⁴ Hirsch F. «Die ersten Auknüpungen zwischen Brandenburg und Russland unter dem Grossen Kurfürsten». Th. I. 1885; Th. II. 1886.

тической игры курфюрста. Самая цель переговоров указывается весьма неточно. Если верить Гиршу, курфюрст добивался только признания царём его нейтралитета в русско-польской борьбе с целью обезопасить от вторжения русских как герцогскую Пруссию, так и королевскую, т. е. польскую, Пруссию, которую он ещё только собирался захватить. Но даже из сухого, фактологического изложения Гирша видно, что курфюрст то натравливает Россию на поляков, побуждая её к союзу со Швецией, то, наоборот, стремится воспрепятствовать русско-шведскому миру. В меру своих возможностей, курфюрст путал карты русской политики, дезориентировал своими лживыми политическими сообщениями русский двор. Гирш приводит соответствующие факты, но не раскрывает их значения и не даёт им оценки. Задач русской политики он не понимает, а в вопросе об Украине просто воспроизводит точку зрения польских историков — Рудавского и др. О его работе можно сказать то же, что и обо всей немецкой историографии по этому вопросу: он пустил в научный оборот немало новых материалов, но при обработке их не сумел сохранить хотя бы той ограниченной и относительной объективности, которая предписывается правилами самой же буржуазной исторической науки.

Той же теме посвящена диссертация Альфреда фон Геденштрема «Отношения между Россией и Бранденбургом во время первой Северной войны 1655 — 1660 гг.»¹⁵. Эта работа выгодно отличается от других привлечением русских архивных и печатных материалов. Автор подчёркивает первоклассное значение такого рода источников, как отчёты русских послов, выдерживающие самую придирчивую проверку с помощью иностранных документов. Благодаря сопоставлению русских и бранденбургских архивных материалов ему удаётся вполне удовлетворительно объяснить многие загадочные ходы как московской, так и бранденбургской дипломатии, исправить ряд ошибок и неточностей в работе Гирша. Исследование Геденштрема наносит удар широко распространённой легенде о невежестве и крайней отсталости русской дипломатии. Доброжелательно и точно излагая ход русско-бранденбургских переговоров, автор показывает, как приходилось «великому» курфюрсту считаться с искусством московских дипломатов. Но, ограничив свою задачу «исправлением ошибок Гирша» (см. его Введение), Геденштрем закрыл себе путь к правильной оценке и пониманию основных моментов в истории русско-бранденбургских отношений; подобно Гиршу он обнаруживает почти полное незнание с польскими, шведскими, австрийскими источниками. Отсюда его наивные соображения насчёт мнимых колебаний курфюрста, вынужденного «выбирать» между Россией и Швецией, или «крупной ошибки русской дипломатии», которая отвергла якобы «протянутую курфюрстом руку» и тем бросила его «в объятия Швеции» (речь идёт о посольстве Киттельмана в августе 1655 г.), или, наконец, его попытка объяснить неизбежность борьбы между Россией и Швецией стремлением каждой из этих держав завладеть всей Польшей, вместо того чтобы полюбовно разделить её между собою. К работе приложены некоторые извлечённые из московского архива документы (инструкция русскому послу Богданову и два письма курфюрста к Алексею Михайловичу), весьма важные для истории русско-бранденбургских отношений.

С удивлением приходится констатировать, что диссертация Геденштрема осталась неизвестной последующим историкам или, во всяком случае, совершенно не была ими учтена.

К немецкой историографии примыкают труды известного австрийского историка Прибрама. Прибрам опубликовал донесения императорского посла Франции фон Лилозы за 1655—1660 гг.¹⁶, предпослав этой публикации обширное введение, дающее общую характеристику между-

¹⁵ Hedenström A. «Die Beziehungen zwischen Russland und Brandenburg während des ersten nordischen Krieges 1655—60». Marburg. 1896.

¹⁶ Pribram A. F. «Archiv für österreichische Geschichte». Bd. LXX.

народных отношений периода первой Северной войны. Среди необъятной массы источников этого периода отчёты Лизолы занимают особое место. Итальянец по происхождению, француз по месту рождения (Безансон) и воспитанию, Лизола возглавлял в своём родном городе оппозицию против Франции. Когда в 1640 г. антифранцузская партия потерпела поражение, Лизола бежал в Вену, где остался на службе у императора. Ему было дано дипломатическое поручение к английскому королю Карлу I. Его донесения из Англии, представляющие интерес для истории английской революции, опубликованы Рейно в «Revue historique». Vol. 27. 1885. Обнаруженные Лизолой уже в это время выдающиеся дипломатические способности и его преданность Габсбургам были оценены, однако, с большим опозданием. Новое ответственное поручение он получил только в 1655 г., когда он был назначен послом в Швецию. В течение шести лет войны он действовал не только при кочующем дворе Карла X, но и в Берлине и Варшаве, сколачивая коалицию против Швеции в составе Австрии, Польши, Бранденбурга, Дании и России. При этом ему приходилось не только вести ожесточённую борьбу с французской дипломатией, но и преодолевать упорное сопротивление своего же правительства, обеспокоенного слишком смелыми планами посла.

Для обоснования своей политики и своих планов Лизола, помимо текущих отчётов, посылал в Вену общие политические обзоры, которые обнаруживают в авторе острую наблюдательность, широту политического кругозора и совершенно исключительную осведомлённость во всех вопросах международной жизни. Эти достоинства делают обзоры Лизолы неоценимым источником для истории Северной войны, но в то же время они требуют со стороны историка, пользующегося обзорами, сугубо критического отношения, чтобы не оказаться в плену концепции австрийского дипломата. Именно этой опасности не сумел избежать Прибрам, который глядит на все международные события 50-х годов XVII в. глазами Лизолы. Ограничимся одним примером. Стремясь убедить императора в необходимости заключить военный союз с Польшей и начать борьбу против Швеции, Лизола сообщает, что в противном случае поляки договорятся со Швецией, казаками, трансильванским князем Ракочи и возобновят войну с Россией. Эти слова трудно принять за чистую монету.

Лизола прекрасно знал, что Виленский договор с русскими был для Польши настоящим якорем спасения, что руководящие польские круги в тот момент, когда Лизола писал в Вену, в конце 1656 г., были дальше, чем когда-либо, от мысли о соглашениях со Швецией и Ракочи против России. Но ему нужно было создать в Вене определённое впечатление, прекратить колебания в вопросе об австро-польском союзе, и он рисует картину опасной для Австрии, но малоправдоподобной политической комбинации. Прибрам принимает эту фантазию на веру. Он рабски следует за Лизолой в объяснении всех зигзагов бранденбургской политики и непомерно преувеличивает влияние австрийского посла на решения курфюрста. Нередко одной беседы Лизолы с курфюрстом достаточно, чтобы сделать бесплодными все усилия шведской и французской дипломатии — так изображает дело Прибрам (см. особенно стр. 44, 58). Лизола, оказывается, был единственным дипломатом, который всё предвидел, всё знал и всё устроил к благополучному для Австрии исходу войны. Активность Лизолы простиралась не только на Вену, Берлин и Варшаву: она сказывалась с большой силой и в Копенгагене и в далёкой Москве. Прибрам называет его «гениальным государственным деятелем» и высказывает предположение, что, будь Лизола главой венского правительства, весь ход событий сложился бы для Австрии иначе. Вот один из примеров его дифирамбов по адресу Лизолы. «Учтите сверх того, — пишет Прибрам, — как неутомимо старался Лизола ускорить ход военных операций (против шведов), уладить раздоры между солдатами и командующими австрий-

ской и польской армиями; какое участие — прямое и косвенное — он принимал в переговорах поляков с казаками и татарами, стремясь в то же время побудить великого князя московского включиться в общую борьбу, но не поощряя его надежд на польский престол и, по возможности, разрушая эти надежды; какие трудности пришлось ему преодолеть, чтобы вопреки всем противоречиям сделать возможным совместное выступление Австрии, Польши и Бранденбурга, обеспечить интересы союзной Дании» (стр. 85).

Увлечение личностью австрийского дипломата является не единственным недостатком разбираемой работы. Трусливый характер венской политики в первые годы войны Прибрам самым серьёзным образом объясняет «миролюбием императора». Вместе с немецкими историками он убеждён в том, что от позиции бранденбургского курфюрста зависел весь исход войны. Недоверие и даже ненависть значительной части поляков к Австрии Прибрам обходит молчанием. Он совершенно не учитывает и народного движения в Польше против шведского владычества. Прибрам игнорирует работу польского историка Валевского, который, хотя и поверхностно и неполно, впервые использовал донесения Лизолы и другие материалы тайного венского архива, но который зато широко привлёк польские источники, почти неизвестные венскому профессору¹⁷.

Гораздо удачнее и во многих отношениях ценнее другая работа Прибрама¹⁸, являющаяся прямым продолжением и дополнением к только что рассмотренной. Автор здесь широко использовал наряду с донесениями Лизолы протоколы венского тайного совета, инструкции императорским агентам в Польше и все австрийские документы, касающиеся русско-австрийских переговоров 1654—1660 годов.

Из русских источников он знает — и то больше, повидимому, по названию — «Памятники дипломатических сношений с державами иностранными» (т. III). Он часто ссылается на эту публикацию, но нигде её не цитирует и не излагает содержания заключённых в ней документов. В работе Прибрама для нас представляют интерес не столько тенденциозно окрашенные выводы венского историка, сколько пущенные им в оборот материалы, вскрывающие подоплёку австрийской внешней политики.

На первом этапе войны доминирующую роль в этой политике играл страх перед Швецией, которая после захвата Польши могла стать грозным соседом габсбургских земель. Отсюда усилия помирить Польшу и Москву. Но условия царя насчёт передачи ему польского престола, к чему склонялись Литва и часть поляков, ещё больше испугали венский двор. Австрийская дипломатия и в Вильне и после заключения русско-польского перемирия старалась не допустить сближения между обоими славянскими государствами. Вопреки всем усилиям Прибрама затушевывать действительное положение вещей, из приведённых им материалов видно, что основная линия австрийской политики после Виленского договора сводилась к тому, чтобы не допустить изоляции и поражения шведов русскими и поляками, а тем менее их соглашения со шведами. Затягивать войну на территории обескровленной и опустошённой Польши — такова ближайшая цель императора во время переговоров с царём и Яном-Казимиром в 1656—1657 гг., с тем чтобы лишить Швецию возможности перенести войну в Германию; ослабить Польшу до такой степени, чтобы её можно было взять голыми руками; отнять у России плоды её военных успехов и держать её подальше от западноевропейских политических дел и комбинаций, лишить её всякого влияния в Польше.

¹⁷ См. рецензию на работу Прибрама в «Kwartalniku Historycznym». 1889.

¹⁸ Pribram A. «Oesterreichische Vermittelungs-Politik im Polnisch-Russischen Kriege 1654—1666». «Archiv für Oesterreichischer Geschichte». Bd. LXXV. 1889.

Внутренняя противоречивость этой политики, стремление достигнуть одновременно решения нескольких взаимоисключающих целей и притом без большого риска — всё это привело к глубокому упадку авторитета императора «также и в Восточной Европе», как это отмечает сам автор. На общем фоне этой трусливой, эгоистической и хищнической политики австрийского двора кажется смешным утверждение Прибрама, что «император вмешался в русско-польский конфликт как спаситель тяжко угнетённой польской нации» (стр. 474).

«Император, — говорит далее Прибрам, — помирил Польшу с Бранденбургом, ввёл в Польшу свои войска для изгнания оттуда шведов, вступил в открытую войну с могущественной и страшной Швецией» (стр. 474). Но примирение Польши с Бранденбургом, как доказал недавно польский историк Вацлав Собеский, спасло в критический момент Бранденбург, а не Польшу, которой австрийское посредничество обошлось к тому же очень дорого. Австрийские же войска, введённые в Польшу лишь тогда, когда шведы были оттуда почти изгнаны, ограничили свои действия захватом Кракова, который они упорно не хотели вернуть полякам. Наконец, не следует забывать, что в открытую войну со Швецией Австрия вступила только в тот момент, когда выяснилось, что Карл X глубоко увяз в Дании и вообще не представляет уже большой опасности, а его союзник, Ракочи, разбитый в Польше, должен спасти себя самого от мстительных действий со стороны Турции.

Прибраму не удалась попытка представить Австрию в благородной роли поборника европейского мира и защитника слабых государств. Против него свидетельствуют им самим приведённые факты и исторические материалы.

Я оставляю в стороне несколько немецких специальных исследований, в которых только уточнены отдельные факты и детализированы кое-какие дипломатические переговоры¹⁹, чтобы перейти к польской историографии.

Из многочисленных польских работ, так или иначе относящихся к нашей теме, я остановлюсь только на произведениях Валевского, Корзона и Собеского²⁰.

Двухтомная работа краковского профессора А. Валевского²¹ является самой большой по объёму монографией, посвящённой Северной войне. Она основана, как уже упоминалось, главным образом на материалах венского архива, часть которых приложена в конце каждого тома. Однако приложения эти напечатаны довольно небрежно, с большими и неоговорёнными пропусками, и в самом тексте архивные материалы использованы поверхностно и далеко не полностью, что было в своё время отмечено польской критикой. Автор стоит на клерикальных и монархических позициях. В качестве австрийского верноподданного, но в то же время польского «патриота», он стремится согласовать и примирить в своём изложении две противоречивые концепции: польскую и австрийскую. Дости-

¹⁹ Bosse F. «Zur diplomatischen Vorgeschichte des Königsberger Vertrags». 1887; Arndt W. «Schweden, Magdeburg, Brandenburg» в «Forschungen zur brand. u. preuss. Gesch.», VII. I ff

²⁰ Общие труды по истории Польши — Бобржинского, Шуйского и др. — не включают новых материалов по нашей теме, ни каких-либо новых точек зрения. Небольшая работа Казимира Яроховского «Wielkopolska w czasie pierwszej wojny szwedzkiej od r. 1655 do r. 1657». Poznań. 1884) даёт немало интересных деталей для истории шведско-бранденбургской оккупации в Великопольше, но производит скорее впечатление политического памфлета против немцев и польских диссидентов, чем научного исследования. Располагая превосходным материалом в виде «книг гродских», хроник Познанского и других монастырей, «выписок из счётных книг стрелецкого братства веленского», заключающих, повидимому, ценнейшие данные о классовых отношениях и борьбе в Великопольше накануне шведского вторжения, автор не сумел или не захотел дать что-либо большее, чем поверхностный пересказ отдельных эпизодов.

²¹ Walewski A. «Historia wyzwolenia Polski za panowania Jana Kazimierza, 1655—60». T. I. Kraków, 1866; t. II. 1868.

гается это тем, что польский король Ян-Казимир, бывший иезуит, полугенерат, родственник и поклонник Габсбургов, которому польский учёный Чермак дал совершенно уничтожающую характеристику²², выводится в качестве народного героя и спасителя Польши от гибели, причём с помощью больших преувеличений и даже насилий над фактами демонстрируется на каждом шагу теснейшая связь короля с императором, связь, спасительная для обоих. С этой предвзятой точки зрения автор оценивает и свои источники. К Денуайе, секретарю польской королевы Марии Гонзаго, оставившему ценное собрание писем, Валевский относится с полным презрением и поносит его сообщения как нелепые, фантастические, легкомысленные. Объясняется это тем, что этот француз изображает Яна-Казимира ханжой, придурковатым, недалёким и себялюбивым человеком; к тому же находившимся под башмаком у королевы, которая от его имени фактически вершила все дела. Для Валевского же король — гениальный дипломат, военный и государственный деятель, бесконечно превосходивший политической мудростью своего брата Владислава IV, который своим равнодушием к интересам католической религии и враждебной политикой по отношению к Австрии якобы подготовил кризис Польши во второй половине XVIII века. Начатое Владиславом завершили диссиденты своим предательством, казаки — своим вероломством, шляхта — своим ненациональным, мятежным, своевольным и эгоистическим поведением. Спасли Польшу в страшные годы кризиса (1655—1656) король Ян-Казимир, католическое духовенство, в том числе и особенно иезуиты, и магнаты — своим патриотизмом и самопожертвованием.

Такова общая концепция Валевского. Её не разделяет ни один из серьёзных польских историков: Чермак развенчал Яна-Казимира, Корзон показал в более правдивом свете, хотя и не разоблачил до конца предательское поведение польских магнатов. Собеский поставил на более реальную почву вопрос о сравнительной целесообразности западного и восточного направления польской политики.

Работа Корзона²³ значительно выходит за рамки повествования о жизни и деятельности знаменитого польского короля. Она даёт вообще интересную картину шляхетской и магнатской Польши в занимающие нас годы. Здесь подробно излагается печально-знаменитое дело подканцлера Радзеевского, вскрывающее всю глубину морального и политического разложения польских верхов. Особую ценность для русского историка представляют те разделы труда, где рассматривается деятельность литовских магнатов, особенно Сапеги и Гонсевского. Последний, как известно, возглавлял большинство литовской шляхты, тяготевшей к Москве. Новые материалы, привлечённые автором, бросают некоторый свет на запутанную и во многом загадочную политику Гонсевского, который действовал, очевидно, с ведома Яна-Казимира, был по возвращении из московского плена обласкан королём, но казнён за предательство по решению шляхетско-патриотического суда, составленного из офицеров предводительствуемого им войска. К сожалению, Корзон не доводит дела до полной ясности. Если Гонсевский, ведя переговоры с царём о переходе Литвы под власть России, был предателем, то ведь гораздо более явные предатели — пресловутый Радзеевский, ближайший советник шведского короля Карла X, как Богуслав Радзивилл, сражавшийся в войсках бранденбургского курфюрста против поляков под Варшавой, и многие другие — были прощены, получили обратно свои имения и богатства, причём никто, насколько известно, не угрожал их жизни. Только разыскания в наших архивах в состоянии внести ясность в этот частный, но важный вопрос, без решения которого невозможно понять судьбу проекта русско-польской

²² Czermak W. «Jan Kazimierz». «Kwartalnik Historyczny». Rocznik III, zesz. I. 1889; Czermak W. «Dla czasów Jana Kazimierza». Lwów. 1893.

²³ Korzon T. «Dola i niedola Jana Sobieskiego, 1629—1679». T. I. Kraków. 1892.

унии и резкую перемену русской политики в начале 1658 г., когда польский проект был окончательно оставлен и возобновились русско-шведские переговоры. Рукописные материалы из библиотеки Чарторыйских, приведённые автором, обнаруживают, как далеко зашёл Ян-Казимир в своих уступках России как в территориальных, так и в династических вопросах (стр. 159). Но соглашение с Россией было сорвано в результате австрийских интриг, ненависти королевы Людовики-Марии к России, в отношении которой у неё были свои честолюбивые планы, стоявшие в тесной связи с французской политикой в Восточной Европе.

Книга Корзона, состоящая как бы из отдельных экскурсов по частным темам, не даёт общей картины Северной войны и, в сущности, лишена единой концепции. Но она привносит в историю этого времени ряд важных штрихов, нуждающихся, правда, в дополнениях и уточнениях по данным русских архивов.

Третий из упомянутых выше польских историков, профессор Краковского университета Вацлав Собеский, посвящает свою работу слишком широкой теме — борьбе за Балтийское море с древнейших времён до наших дней²⁴, но главы, посвящённые балтийскому вопросу в XVII в., богаты интересными соображениями, непосредственно относящимися к истории Северной войны 1655—1660 годов. Автор показывает, что в некоторых кругах польского общества XVII в. было сильно сознание значения Балтийского моря для Польши, и довольно подробно останавливается на усилиях Владислава IV создать военный флот и заменить немецкий Данциг, проводивший самостоятельную политику по отношению к Польше, другим, чисто польским портом. Но все эти планы потерпели крушение не только вследствие враждебной позиции Швеции, Бранденбурга и Австрии, но главным образом ввиду стремления панов и шляхты пойти по линии наименьшего сопротивления — компенсировать себя дальнейшим подчинением плодородных земель Украины за потерю выгод от самостоятельной торговли на Балтийском море. Таким образом, польские магнаты, — констатирует Собеский, — предпочли борьбу с турками, татарами и казаками *dominium'y maris Baltici* (стр. 152). Собеский подчёркивает далее, что вся шведско-польская борьба 1655—1657 гг. вращалась главным образом вокруг вопроса о польской Пруссии, этой «прекрасной Елены» в новой троянской войне, по выражению бранденбургского советника Сомница. Политика «великого курфюрста» охарактеризована при этом хотя и сжато, но выразительно. Автор показывает, как к концу 1657 г. эта хитрая лиса запуталась в своих собственных сетях и как его спасла Австрия, устроив ему выгодный договор с Польшей в Велау-Бромберге. Однако Собеский совершенно исключает из своего изложения Россию, очевидно, разделяя традиционный взгляд, что борьбу за выход к Балтике после неудачи Грозного Россия возобновила только при Петре I. Таким образом и он отрывает русско-польскую войну 1654—1667 гг. от Северной войны, как будто политика Польши на Западе не определялась в значительной мере её взаимоотношениями с великим восточным соседом. Какую роль балтийский вопрос играл в московской политике 50-х годов, я надеюсь показать в своём месте. Здесь же достаточно отметить, что польский историк, по крайней мере для данного периода, чересчур сузил проблему, сведя её к немецко-польско-шведским противоречиям, без учёта Голландии, Франции, Англии, Дании и России, а главное, беря её только в политическом аспекте, тогда как здесь особенно трудно что-либо понять без анализа экономических предпосылок борьбы.

Перехожу к французским работам. Они представлены превосходным исследованием Эмиля Омана²⁵ и рядом более или менее обширных введ-

²⁴ Sobieski W. «Der Kampf um die Ostsee von den ältesten Zeiten bis zur Gegenwart». Schriften des Baltischen Instituts. Leipzig. 1933.

²⁵ Haumant E. «La guerre du Nord et la paix d'Olivar». Paris. 1893.

ных статей в известной серии «Requeil des instructions aux ambassadeurs et ministres de la France». Для нашей темы в этой серии имеют значение: статья А. Рамбо к тому, посвящённому России; обширное введение Луи Фаржа к первому из двух томов, посвящённых Польше; введение Альбера Сореля к «Австрии»; введение А. Жеффруа к «Швеции». Не приходится и говорить о том, что французская документация должна занимать по важности одно из первых мест среди источников дипломатической истории периода Северной войны: Франции принадлежало тогда ведущее положение в Европе, её дипломатия отличалась большой активностью и разнообразием приёмов, а её агентура была вездесущей и всезнающей. К тому же хотя Франция непосредственно в войне и не участвовала, но, находясь в тесных связях с Швецией, Данией, Бранденбургом и Польшей, она оказывала на события в северо-восточной Европе постоянное и заметное влияние.

Однако, изучая перечисленные выше вводные статьи, принадлежащие крупным специалистам, мы не можем не прийти к выводу, что они чрезмерно раздувают французское влияние и приписывают ему одному нередко решающую роль в событиях. При этом, естественно, недооцениваются решения и действия других держав, которые слишком часто рассматриваются лишь в качестве средств и орудий французской внешней политики. Особенно резко бросается в глаза эта тенденция в работах Рамбо и Фаржа.

Рамбо начинает с правильного утверждения о росте международного значения России с 1654 года. Правительству Людовика XIV, замечает он, приходилось с Россией считаться, так как «она нам косвенно вредила, нападая на Швецию, Польшу, Турцию, являвшиеся в системе XVII в. необходимыми точками опоры для борьбы, которую Франция вела против Габсбургов». Швеция, Турция и Польша, — говорит автор в другом месте, — составляли «восточный барьер», охранявший гегемонию Франции в Западной Европе. Можно поэтому с ним согласиться, что стремление России занять подобающее место в системе европейских держав было для Франции весьма неприятным моментом. Но отсюда следовало бы сделать определённые выводы и, в частности, показать, какие усилия прилагала Франция к тому, чтобы помешать России сломать «восточный барьер». Для этого в французских архивах и для интересующего нас периода можно найти немало данных. Но Рамбо в полном противоречии со своим первым положением выдвигает далее другое: «Во Франции русскими не интересовались, едва знали имя их царя, его войны не затрагивали французскую политику». Затем следует уже совсем нелепое и странное утверждение: «Les bandes moscovites armées d'arcs, d'arbalètes ou de mauvais mousquets, étaient un élément absolument négligeable de politique européenne»²⁶. И это написано о России второй половины XVII в., сильно беспокоившей всю Европу именно своей необычайно возросшей военной мощью! Насколько французское правительство в действительности интересовалось Россией, свидетельствует хотя бы тот факт, что в 1657 г., предварительно договорившись об этом с Кромвелем, Мазарини пытается дипломатическим путём (посольство Диминьера) положить конец русско-шведской войне. Если бы Рамбо правильно оценивал международную роль России в 50-х годах XVII в., то он должен был бы поставить вопрос, не явилась ли неудача Диминьера в России в 1657 г. одним из оснований для усилий французской дипломатии добиться мира в Оливе, из которого Россия была исключена и который был, несомненно, направлен против России.

Подобно тому, как Рамбо третирует Московское государство второй половины XVII в., Луи Фарж третирует Польшу: полуазиатское общество,

²⁶ «Орды москвитов, вооружённые луками, арбалетами и плохими пищальми, составляли элемент, безусловно, незначительный в европейской политике».

едва тронутое налётом европейской культуры, подкупность руководящих кругов, готовых за деньги действовать в интересах другой страны, негодная конституция и бессильный король, унетённое положение крестьянской массы и отсутствие национальной буржуазии — всё это изображено яркими красками. В этом много справедливого, но совершенно неверно, что Польша была только безвольным объектом состязания между Францией и Австрией, причём каждая из них стремилась впрячь Польшу в колесницу своей политики. Фарж искажает историческую перспективу, когда переносит на 50-е годы отношения более позднего времени и стремится изобразить Францию как друга Польши, заботящегося о неприкосновенности её границ. Конечно, Францию не радовала перспектива поглощения Польши Швецией, которая стала бы после этого чересчур могущественным и, следовательно, ещё более строптивым помощником Франции на северо-востоке Европы. Но автору следовало бы подчеркнуть, что Франция активно вмешалась в войну, когда нужно было спасти не Польшу, почти погибавшую в 1655 г., а Швецию, которой угрожало полное крушение в 1660 году. Ему следовало бы также отметить, что денежную помощь Польше Людовик XIV оказывает только после заключения мира в Оливе, т. е. для её борьбы не со Швецией, а с Россией. Фарж незнаком ни с польскими, ни с русскими источниками, а историю русско-польских отношений знает настолько поверхностно, что, касаясь этого вопроса, делает грубейшие ошибки. Проф. Чермак был совершенно прав, обвиняя Фаржа в полном невежестве в области истории Польши XVII—XVIII веков²⁷.

Сорель в своём введении к тому «Австрия» совершенно не упоминает о России как участнице Северной войны и вообще слишком суживает свою задачу рассмотрением лишь той стороны франко-австрийских отношений, которая непосредственно касается этих двух государств, а не европейских дел в целом. Большой интерес представляет вводная статья Жеффруа. Специалист по истории Швеции, Жеффруа одинаково хорошо ориентируется во французских и шведских материалах. Это выгодно отличает его изложение от обзоров, которые дают Рамбо для России и Фарж для Польши. Притом он старается охватить весь клубок противоречий, вызвавших Северную войну. Естественно, что в центре его внимания франко-шведские отношения. Жеффруа показывает значение Швеции в системе французской внешней политики. Это «инструмент против Австрийского дома... главное средство в руках Людовика XIV для общего руководства Европой». Именно поэтому война Карла X с Польшей, отвлекавшая Швецию от её прямых задач на Западе, была невыгодна Франции. Заботясь о сохранении равновесия на северо-востоке Европы, Франция выступает в роли «спасителя Польши». Здесь Жеффруа впадает в обычную однобокость французских историков. Он не хочет видеть того, что мир между Швецией и Польшей был нужен Франции не только против Австрии, но и против опасных поползновений России прорвать «восточный барьер».

Исследование Омана является наилучшим из всего, что сделано в западноевропейской историографии по нашей теме. Это единственная работа, где учитываются военные и дипломатические усилия всех участников европейской политики, в частности известное внимание уделено России. Особенно подробно здесь изложены отношения между Швецией и Бранденбургом, которые, с точки зрения автора, являются центральными и решающими для всего европейского конфликта. Оман использовал материалы французского архива министерства иностранных дел и важнейшие западноевропейские публикации, но ему остались неизвестны польские и русские источники. Поэтому и он не избежал общего недо-

²⁷ См. его рецензию «Kwartalnik Historyczny», str. 149. 1889.

статка всей зарубежной историографии — непонимания русской позиции в конфликте и характера русско-польских противоречий. Русскую политику в отношении Польши он считает «сравнительно последовательной, но химерической», а русскую дипломатию XVII века — «неопытной» и невежественной во всех вопросах европейской политики. Слишком доверившись тенденциозным сообщениям бранденбургских дипломатов, Оман утверждает, что Россия «не понимала шведской опасности», что она стремилась к «разделу» Польши, если нельзя будет поглотить её полностью. Андрусовское перемирие он считает «началом раздела Польши», как будто Украина была польской землёй. Оман весьма близок к мысли, что Северная война началась, в сущности, не нападением Карла X на Польшу, а восстанием Богдана Хмельницкого, и что закончилась она не в 1660, а в 1667 г. Андрусовским миром. Однако свой труд он начинает с характеристики внутреннего положения Швеции, обусловившего воинственность и агрессивность этого государства, а всё последующее изложение является развитием основного тезиса первой главы, что как начало Северной войны, так и судьба северо-восточной Европы определялись шведской политикой. Швеции, — доказывает Оман, — нужно было воевать во что бы то ни стало, но с кем, — это якобы определялось таким второстепенным обстоятельством, как настроение войска, опасавшегося трудных условий войны на севере России. По мнению автора, одинаково возможна была война шведов в союзе с Россией против Польши, или в союзе с Польшей против России, или, наконец, в союзе с Францией против Австрии. Проблема Балтийского моря для автора, можно сказать, не существует, об экономических противоречиях он не говорит ни слова. Таким образом, получается, что война была вызвана просто жадной грабежа и стремлением к территориальным захватам. Можно подумать, что если бы Швеция имела возможность по окончании Тридцатилетней войны распустить свою армию, то была бы устранена главная причина вооружённого конфликта в северо-восточной Европе.

Таковы некоторые существенные недостатки книги. Однако в отношении полноты и тщательности анализа отдельных событий дипломатической истории рассматриваемого периода это произведение является образцом.

Что касается шведских, датских, английских работ по нашей теме, то они самостоятельного значения не имеют. Их ценность для нас определяется главным образом некоторыми фактическими деталями, позволяющими уточнить наше представление о позиции той или иной из западноевропейских стран в Северной войне. Особенно часто ссылаются в работах по истории этого периода на труд Карлсона²⁸, который стремится доказать, что по вине Польши война была неизбежной уже начиная с 1650 года. Отсюда Оман почерпнул свои главные данные о внутреннем положении Швеции накануне 1655 г., о предложениях России шведам насчёт совместного выступления против Польши в 1654 г., о влиянии событий на Украине на шведские руководящие круги, о загадочных переговорах Швеции в Трансильвании и Кполе. Самое оригинальное у Карлсона — это попытка доказать, опираясь на шведские источники, что война была оборонительной для Швеции и что она имела в виду главным образом предупредить усиление России за счёт Польши. Но именно на эту сторону дела ни Оман, ни другие историки, пользовавшиеся трудом Карлсона, не обратили достаточного внимания. Работа Карлсона, опирающаяся на шведские и отчасти французские архивы, ценна обилием фактических данных. Особенное значение для нас имеет сравни-

²⁸ Carlson F. «Sveriges Historia». 7 vols. Carl Gustav. Stockholm. 1855. Имеется немецкий перевод в известной серии Йерена и Укепта «Истории европейских государств» («Geschichte der europäischen Staaten»): Geschichte Schwedens von Friedrich Ferdinand Carlson. Bd. IV. Gotha, 1855).

тельно подробное изложение военных операций русских в Литве, Белоруссии и Лифляндии и их влияния на шведскую внешнюю политику.

Другая шведская работа, Антона Нистрема²⁹, представляет научно-популярный очерк, не дающий никаких новых материалов и точек зрения, если не считать резко враждебного отношения к России. Ничего интересного не представляет и единственная английская работа, где относительно подробно рассматривается наша тема,— Nisbet Bain «Slavonic Europe». Cambridge, 1908. Этот автор знает Соловьёва и некоторые польские труды, но это не помешало ему допустить в своей книге ряд фактических ошибок. В трудах по истории отдельных стран, основанных на неопубликованных или малодоступных печатных первоисточниках, можно найти дополнительную информацию, имеющую значение для истории дипломатических сношений изучаемого времени. Таковы работы Hammer'a, Zinkeisen'a и Jorg'a — по истории Турции; Holberg'a, Allen'a, Dietrich'a, Schafer'a — по истории Дании; Lefèvre-Pontalis — о Яне де Витте, основанная отчасти на голландских источниках; первый том Гардинера «Республика и протекторат», где затронут вопрос о позиции Кромвеля в Северной войне, а также известная работа J. B. Selley «The growth of the British Policy». Т. II. 1895, испорченная безнадёжными стараниями автора доказать, что внешняя политика Кромвеля определялась религиозными соображениями (!). Следует также упомянуть о трудах по военной и военно-морской истории, имеющих отношение к нашей теме, например R. C. Anderson «Naval wars in the Baltic during the sailingship epoch». London. 1910, где использованы датские, шведские и голландские архивные материалы; Lorentzen «Die Schwedische Armee». 1896, и многие другие.

Каковы же итоги нашего историографического обзора?

Прежде всего необходимо снова подчеркнуть отсутствие монографии, дающей русский аспект европейского кризиса 50-х годов XVII века. Русские архивные материалы по данной теме мало изучены исследователями.

Между тем достаточно посмотреть в ЦГАДА составленные Бантыш-Каменским описи дел о сношениях России с Польшей в 1655—1660 гг., чтобы убедиться в исключительном богатстве и разнообразии относящихся к нашей теме документальных материалов: здесь и указы многочисленным в этот период послам и гонцам, отправляемым к польскому двору, к отдельным польским и литовским вельможам, на различные съезды и конференции; и статейные списки (отчёты) этих послов и гонцов; и дела польских дипломатов, ездивших в Москву; и важные бумаги, захватывавшиеся русскими войсками во время их операций в Литве и Белоруссии; и обширная дипломатическая переписка Ордын-Нащокина, выдающаяся роль которого в русской внешней политике этого периода всем хорошо известна; и материалы, освещающие деятельность русской администрации и военных властей в завоёванных областях, их сношения с местной шляхтой и массами городского и сельского населения.

Не менее важны, хотя, быть может, и не так богаты, дела, относящиеся к дипломатическим связям России второй половины XVII в. с Австрией, Англией, Голландией, Данией, Швецией, Бранденбургом и другими государствами. После Соловьёва, использовавшего эти дела очень экстенсивно, они почти не привлекали к себе внимание исследователей. Таким образом, внешняя политика России за интересующий нас период остаётся невыясненной, разделяя судьбу других периодов русской дипломатической истории XVII века.

Что касается зарубежных работ, то они не дают одинакового ответа даже на основной вопрос: какова причина или причины Северной

²⁹ Nyström A. «Striderna om östra Europa mellan Ryssland, Polen och Sverige». Stockholm. 1931.

войны? Имеет ли здесь решающее значение проблема Балтийского моря или раздел Польши и стремление Швеции к гегемонии в Центральной и Северной Европе, как думают некоторые? Иначе говоря, где лежал главный узел противоречий, вызвавших вооружённый конфликт 1655—1660 годов. Прав ли Оман, отмечающий, но не обосновывающий единство всего европейского кризиса, начиная от восстания Богдана Хмельницкого и кончая Андрусовским миром 1667 г., или же другие, в том числе все русские историки, которые войну России с Польшей и Швецией не ставят ни в какую связь с западноевропейской ситуацией? В таких частных для данной темы вопросах, как внешняя политика Богдана Хмельницкого, влияние Оливского мира на русско-польские отношения, позиция Турции в первой Северной войне и множество других, и поныне нет полной ясности.

Решение поставленных вопросов требует ряда специальных исследований. Нижеследующие положения имеют целью указать, в каком направлении я предполагаю эти исследования вести:

1. Материалы экономической истории³⁰ свидетельствуют о быстром росте балтийской торговли с середины XVII в. и о жизненной заинтересованности в ней Польши, Голландии, Дании, Швеции, Англии. Господство Швеции на Балтийском море грозило обратить Польшу в экономически эксплуатируемый хинтерланд Швеции, Данию — в шведского вассала, а Голландию — в данника. Покушение Швеции на захват Норвегии было чревато опасностями для русской торговли через Архангельск.

2. Россия медлила с объявлением войны Польше за Украину в течение пяти лет отчасти из-за нежелания связать себе руки перед лицом нараставшей шведской угрозы, представлявшейся тем более реальной, что договориться со Швецией русским не удавалось. При выступлении против Польши удар главных русских сил был направлен не на Украину, а на Литву и Белоруссию и достигнута линия Западной Двины (Витебск—Полоцк), что означало прямую угрозу Риге—важнейшему опорному пункту господства шведов в Лифляндии.

3. Успехи русских войск раскрыли Европе глаза на крайнюю слабость Речи Посполитой, близкое крушение которой означало полный переворот в соотношении сил в восточной Европе и общее нарушение европейского равновесия, как оно было установлено вестфальской системой. Нападение Швеции на Польшу в 1655 г. имело целью, вопреки господствующему мнению, захват не только Западной Пруссии, но и всей Польши, польской Лифляндии и ещё не занятой русскими части Литвы, чтобы предупредить объединение России и Речи Посполитой под властью царя Алексея Михайловича.

4. Русско-бранденбургские отношения в период войны, страх курфюрста перед русскими, обоснованный их военными успехами и требованиями России, чтобы Бранденбург отдался под её покровительство, свидетельствуют о широком размахе русской внешней политики и смелых замыслах русского правительства, начавшего войну со Швецией до заключения перемирия с поляками (май 1656 г.)

5. Виленские переговоры с поляками осенью 1656 г., имевшие в виду объединение двух государств — России и Польши, — были подготовлены в Москве идеологически (отчасти пропагандой Юрия Крижанича) и являлись результатом определённого политического плана, автором которого был трезвый государственный деятель Ордын-Нащокин. В русских планах не было ничего химерического, если учесть наличие среди польских и особенно литовских влиятельных кругов сторонников русской

³⁰ См. ценные данные у V r e e d e «Inleiding tot eene Geschiedenis der Nederlandsche Diplomatie»; Beer «Allgemeine Geschichte des Welthandels»; Naude und Schmöller «Getreidehandelspolitik der europäischen Staaten». Bd. I; «Die Getreidehandelspolitik... Brandenburg-Preussens bis 1740». Berlin, 1901, etc.

ориентации. Переговоры провалились главным образом в результате дипломатических усилий всех европейских держав (Австрии, Франции, Швеции, Голландии, Бранденбурга), хотя и взаимно враждебных, но в данном вопросе действовавших в одном, враждебном России направлении.

6. Виленское соглашение 1656 г. и наступление русских войск в Лифляндии и Карелии аннулировали значение шведско-бранденбургской победы под Варшавой и явились важнейшей причиной очищения Польши от шведских оккупантов. Россия предпочла сомнительное соглашение с Польшей несомненной угрозе со стороны шведов в случае их закрепления в Польше. Это была правильная политика, результат трезвого расчёта и учёта обстановки, а вовсе не результат интриги австрийских послов, якобы обманувших патриарха Никона, Нащокина и других московских государственных деятелей.

7. Россия отказалась от этой политики и заключила Валиассарское перемирие со Швецией, убедившись в едином враждебном фронте европейских держав, что сделало необходимым сосредоточить все усилия на сохранении за собой Украины. Неудачи русских во второй Северной войне были в немалой мере обусловлены помощью Яну-Казимиру со стороны Франции, стремившейся посадить на польский престол принца Конде и поддерживавшей план королевы Людовики-Марии захватить Россию для сына Конде, герцога Энгиенского.

8. Мир в Оливе означал изоляцию России в вопросах европейской политики. Его прямым результатом явилась потеря Россией завоеваний в Лифляндии по Кардисскому миру 1661 года. Оливский мир явился также первой серьёзной неудачей для Швеции, вынужденной отказаться от плана абсолютного господства на Балтийском море.